

Литературныя замѣтки.

Вступленіе.—Г. Чеховъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и г. Личскій въ «Новомъ Времени».—«Стень», какъ новое доказательство таланта Чехова:—Кое-какія замѣчанія.—О поклоненіи чистой красотѣ.—Мнѣнія по этому вопросу гг. И. М. и М. Пр.—Принимая на память «Ночь» и «Художникъ» г. В. Гаршина—Чему и какъ служить?—Въ чемъ идеяе содержаніе истинной поэзіи и критикѣ?—Въ заключеніи—существенная огорка.

Непріятно видѣть хорошаго человѣка среди празднаго болтающаго и вѣчно инкукушаша; непріятно вѣрно потому, что онъ не въ свои сани сѣдъ, не туда зашелъ, ходитъ ошибся. И ему, хорошему человѣку, какъ-то не по себѣ, и вамъ, встрѣтившимъ его въ неподходящей компаніи,—тоже не по себѣ. Непріятно знакомиться съ этими хорошими человѣками здѣсь, среди болтающихъ и инкукушаша и даже при посредствѣ ихъ. Вамъ хотѣлось-бы побесѣдовать съ нимъ по душѣ, серьезнымъ словомъ перемолвиться, а тутъ—гоготанье, брань, плеское остроуміе, такъ сказать, въ воздухѣ висать. Естественно, что вы будете рады встрѣтиться съ нимъ въ приличномъ мѣстѣ, въ обществѣ такихъ-же порядочныхъ людей.

Кто читалъ прекрасные маленькіе рассказы, собранные въ маленькой книжечкѣ «Въ Сумеркахъ» и въ другой—объемистой—подъ общимъ заглавіемъ «Пестрыхъ рассказовъ», тотъ, я увѣренъ, обрадуется встрѣчѣ съ авторомъ ихъ на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника». Авторъ этотъ—Ан. П. Чеховъ, и

исторія одной поѣздки «Стень», напечатанная въ мартовской книгѣ почтеннаго журнала, принадлежитъ перу его.

До сихъ поръ г. Чеховъ помѣщалъ свои произведенія въ специально-литературныхъ органахъ—въ «Осколкахъ», въ «Сверчкѣ»,—или въ нижнемъ этажѣ общаго торговаго заведенія А. С. Суворина, а въ особомъ отдѣленіи его—въ «Субботникахъ». За прилажкомъ послѣдняго въ настоящее время дѣйствуетъ Максимъ Бѣлянский, Янисскій—тоже. Максимъ Бѣлянский, Янисскій—тоже, писалъ когда-то, въ былыя времена въ «Словѣ», въ «Отечеств. Запискѣ», потомъ въ «Зарѣ», въ прошлыя годѣ помѣщалъ натуралистическій романъ въ «Вѣстникѣ Европы», даже, въ «Наблюдателѣ»; наконецъ, сталъ бывать въ магазинѣ красивыхъ свѣдлушекъ г. Вольфа—въ «Нови», а нынче, отрясая прахъ отъ прошлыхъ лѣтъ и ничто же болѣе сумяса, дружески протянулъ руку г. Суворину, Александру Жавинову, Дьякову—Незлобину, Жителю, Буренину, протянулъ, говорю, руку, пожалъ ихъ руки, и сталъ... не за заставку, а за прилажокъ, и тѣмъ самымъ окончательно опредѣлился, закончился. Теперь ужъ никто не сомнѣвается въ Максимѣ Бѣлянскомъ, всѣ и признаютъ, что се не левъ... Всякій ясно видитъ, что послѣдніе годѣ въ литературной дѣятельности г. Максима Бѣлянскаго были періодомъ неудержимаго наденія въ низъ, въ кучу, противоположную тучѣ. Но дальше ужъ некуда дѣтѣ, наклонная плоскость кончилась.—Максимъ Бѣлянский, Янисскій—тоже, въ «Новомъ Времени», подѣ надзоромъ гг. Суворина и Буренина.

Насколько непохвально стремленіе г.

Янисскаго погрузиться въ кучу, противоположную тучѣ, настолько же похвально, откровенно и симпатично стремленіе г. Чехова, выбраться изъ нея. Максимъ Бѣлянский изъ «подавшаго надежды» назвергся безъ надеждъ на возвращеніе въ подвалъ; г. Чеховъ, подкупивъ большія надежды, выходитъ на чистый воздухъ, онъ помѣщаетъ свое новое произведеніе въ одномъ изъ лучшихъ нашихъ периодическихъ изданій, въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», а это-то и откровенно. Откровенно являющаго:—видно перемѣлъ, что г. Чеховъ начинаетъ понимать свою мощь, обнаруживаетъ стремленіе стать на надлежащую высоту, и во вторыхъ, что талантъ его принимаетъ симпатичное направленіе.

Не мѣсто знакомить читателей съ писательской филозофій г. Чехова,—поскольку она усѣба выясниться,—здѣсь, въ коротенькой рецензіи замѣтимъ лишь одно: талантъ молодого беллетриста далеко не изъ заурядныхъ и продолжаетъ развиваться въ ширь и въ глубину. Въ своихъ маленькихъ рассказахъ г. Чеховъ является большимъ художникомъ въ описаніи вѣшнаго мира и психологомъ, знаткомъ неуловимыхъ для нашего невооруженнаго глаза извивовъ человѣческой души. Такимъ-же онъ является передъ нами и въ «Стени», въ мартовской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника». Въ сущности—простѣйшая исторія: мальчикъ Егорюшка повезли сдавать въ гимназію; въ мирѣ Егорюшка ворвался каки-то новая полоска, неизвѣданная ощущенія, тоска по родномъ увѣдомомъ городѣ, по мамѣ и проч. Сдать въ гимназію Егорюшку велѣлся дядя, и—скій купецъ Иванъ Ивановичъ Кузьмичевъ, который ѣдетъ въ губернский городъ

по своимъ торговымъ дѣламъ съ о. Христофоромъ Сарійскимъ вѣстовѣ. Съ этого и начинается исторія поѣздки, рассказанная г. Чеховымъ. На пути, въ теченіи двухъ трехъ дней, совершается многое,—все, впрямь, обмысленное, знакомое, и всѣмъ понятное, т. е., говоря короче, сама жизнь. Признаться сказать давно не приходилось намъ читать такихъ описаній природы, какъ описаніе степи у г. Чехова, — и... да благоволятъ обратить вниманіе на нѣтъ записные эстетика. Упоминаемъ объ этихъ въ высокой степени художественныхъ мѣстахъ въ произведеніи г. Чехова единственно для того, чтобы отнѣять мастерство художника въ этой области. Слѣдовало-бы, конечно, прибѣгнуть къ цитатамъ, какъ къ самымъ убѣдительнымъ доводамъ, но мы, помня, что обзорніе не замѣнитъ обзорѣмаго произведенія, приглашаемъ читателей самого пробѣжать еще разъ прекрасна страница въ рассказѣ г. Чехова.

Притомъ же,—хотя эстетика и хорошая вещь, но есть вещи, и даже много вещей, получше, поцѣннѣе и поважнѣе ея. А поэтому,—для того, чтобы показать силу таланта г. Чехова, правдивость и рельефность изображеній, даваемыхъ имъ, мы приведемъ одно изъ многихъ мѣстъ. Кузьмичевъ, о. Христофоръ и Егорюшка догоняютъ обозъ съ товарищемъ Кузьмичева. Егорюшка былъ пересажанъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ гимназію на послѣдній возъ, за потормъ шелъ подводчикъ, старикъ Пантелѣй. Кузьмичевъ и о. Христофоръ уѣхали. Г. Чеховъ описываетъ новаго спутника Егорюшки: «старикъ говорилъ такъ, какъ будто было очень холодно, съ разстановками и не раскрывая, какъ

слѣдуетъ, рта; губыя согласныя выговаривалъ онъ плохо, закаясь на нихъ, точно у него замерзли губы. Обращаясь къ Егорюшкѣ, онъ ни разу не улыбнулся и казался строгимъ, но не былъ строгимъ. Разъ начавши разговоръ, онъ уже не прекращалъ его».

— Ты куда-же ѣдешь? спросилъ Пантелѣй.

— Учиться,—отвѣтилъ Егорюшка. — Учиться? Ага... Ну, помогай Царя Небесна. Такъ. Ужъ хорошо, а два лучше. Одному человѣку Богъ одинъ умъ далъ, а другому два, а иному и три... Иному три, это вѣрно... Одинъ умъ, съ какииъ мать родила, другой отъ ученія, а третій отъ хорошей жизни. Такъ вотъ, братуша, хорошо, ежели у котораго человѣка три ума. Тому не то, что жить, и помяратъ легче. Помяратъ то... А помярѣтъ всѣ, какъ есть.

Старикъ почелъ себя лѣзь, взглянулъ красными глазами вверхъ на Егорюшку и продолжалъ:

— Максимъ Николаичъ, баринъ изъ подѣ Славяносербска, въ прошломъ годѣ тоже повезъ сагаа парнишку въ ученіе. Не знаю, какъ онъ тамъ въ разсужденіи наукъ, а парнишка ничего, хорошій... Дай Богъ здоровья, славное господу. Да, тоже вотъ повезъ въ ученіе... Въ Славяносербскомъ нѣту такого заведенія, чтобы, стало быть, до науки доводить. Нѣту... А городъ ничего, хорошій... Школа облакобренная, для простаго званія есть, а чтобы насчетъ большаго ученія, такихъ нѣту... Нѣту, это вѣрно. Тебя какъ звать?

— Егорюшка. — Стало быть, Егорій... Святаго великомученика Егорія Побѣдоносца числа двадцать третьяго зрѣля. А мое свя-

тое имя Пантелѣй... Пантелѣй Зихаревъ Холодовъ... Мы Холодовъ будемъ... Святъ и уроженіи, можетъ смѣлать, изъ Тамъ, Курской губерніи. Брати мои вѣдѣше описались и въ городѣ истиннымъ занимаются, а я мужикъ... Мужикомъ остался. Годовъ семь назадъ дѣлалъ я туда... домой, то-есть. И въ деревнѣ былъ, и въ городѣ... Въ Тѣмъ говорю, былъ. Тогда, благодаритъ Богъ, всѣ живы и здоровы были, а теперь знаю... Можетъ, кто и помярѣ...

Пантелѣй бормоталъ и, повидному, не заботился о томъ, слышитъ ли Егорюшка, или нѣтъ. Какъ это вѣрно, естественно, просто!.. И я привелъ нѣтъ не выдающееся мѣсто; можно бы измерять сколько угодно и раньше, и дальше, еще и еще. Но намъ нужно только чтобы читатель сказалъ: «талантъ! талант!» А если такъ, то что же это? талантъ «Стень»?—Отвѣтъ—рядъ картинокъ, безукоризненныхъ художественномъ отношеніи, готовыхъ выдержать самый строгій разборъ нѣтъ эстетика,—и больше ничего. Въ рассказѣ г. Чехова «Въ Сумеркахъ» описываютъ какой-нибудь одинъ моментъ жизни того или другаго края, то «Стень» въ 90 стр. есть ничто иное, какъ рядъ такихъ-же отдѣльныхъ моментовъ, въ которыхъ каждый можетъ явиться и печатать самостоятельно. Сцена изъ столбомъ двора Моисея Моисевича, раяная лодка, каждая ночь въ степи, водимая подводчиками, сдача Егорюшки на квартиру къ Настасѣй Петровнѣ—все это можно напечатать подѣ разными заглавіями отдѣльно, и все это прочтѣся съ удовольствіемъ, вездѣ будѣтъ дѣлѣтъ крупный талантъ молодого беллетриста. Но—увы!—и въ новостъ, бо

ошибка
не слыш
двухъ

от зрелищности и мимикри, и т.д.

дом, произведении г. Чехова чего-то есть, чего-то жаль, и сердце известное читателя мнимо в дах. А мнимо во в дах потому, что г. Чехов не удовлетворил его желания. Прекрасная картина—вот это описание стени в жаркий день!.. Глубоко правдивая картина—встреча Егорушки с Титом!.. Поразительно верно передаст художником разговор Пантелёва с Егорушкой!.. Но картина картаной, а жизнь же-теки,—позволим себѣ замѣтить г. Чехову,—не нужно забывать. Намъ возвращать: «вѣдь и это жизнь, художественно воспроизведенная талантливыми беллетристами!» Да, конечно, жизнь... И Пантелёв—жизнь, и одинокий тополь среди безпредельной стени—жизнь, и мельница, размахивающая крыльями—тоже жизнь. Но вѣдь есть же разница между Пантелёвым, тополемъ и мельницей? Вѣдь что-нибудь изъ нихъ важнѣе же в качествѣ сюжета для рассказа? Или для свободного художника все равно,—что тополь, что Пантелёв?.. Между тѣмъ г. Чеховъ именно такъ и поступает; онъ задается мыслью описать исторію одной побѣды и, какъ всякими цитатки, даетъ и тополь да холмѣ, и мельницу, и Пантелёва, «стуженными ногами» ступающего за обочину;—картинка, и только. А жизни, какого-нибудь теченія или хотѣ струйки, явленія, котормя заставили бы подумать, зашевелить мозгами, словомъ,—если можно выразиться,—содержательности,—этого-то въ «Стени» г. Чехова и нѣтъ. Варламовъ—типиченъ, Кузьмичевъ—типиченъ, в. Христофоръ—также, и всѣ эти Егорушки, Димомъ, Пантелёв, Соломонъ и даже мальчикъ, произшедшій только своимъ: «Тятъ»—всѣ они типичны, но не

типны, а это большая разница. Можно одной фразой охарактеризовать то или другое лицо, и эта фраза будетъ типичной, характерной для этого лица. Такими путемъ можно дать читателю представление о лицѣ, но отсюда еще далеко до того, чтобы читатель зналъ и совершенно новьязъ это лицо. Въ рассказѣ г. Короленко «По пути», Пановъ—типъ, а фельдфебель вмшелъ только вѣрнымъ дѣйствительности, благодаря тому, что авторъ не входилъ въ подробности его жизни, не описывалъ его съ нѣсколькихъ сторонъ, а просто, такъ сказать, намекнулъ, и намекнулъ, какъ было уже въ свое время замѣчено, характерно, мѣтко. Г. Чеховъ тоже дѣлаетъ только намеки и на Варламова, и на Кузьмичева, и на Соломона. Онъ не расширяетъ намъ жизни съ достаточной полнотой ни того, ни другого, ни третьяго, а просто мимоходомъ, проѣздомъ по стени, заноситъ въ занисную книжку нѣкоторымъ мало освѣщающаихъ слова, фразы, мысли.

Мы этимъ не хотимъ сказать, что г. Чеховъ непременно долженъ былъ подробнѣе остановиться на Варламовѣ, на Соломонѣ и проч. Зачѣмъ? это его, Чехова, добрая воля. Картинка картинками, а къ запросамъ читателя прислушиваться все-таки необходимо. Это—во первыхъ. А во-вторыхъ «Сѣверный Вѣстникъ» есть «Сѣверный Вѣстникъ», журналъ съ серьезнымъ опредѣленнымъ направлениемъ, журналъ, сотрудничество въ которомъ ни въ какомъ случаѣ не обязываетъ поклоняться чистой красотѣ. И даже совсѣмъ напротивъ. Вотъ документъ въ той же мартовской книжкѣ почтеннаго журнала.

Въ «забѣткахъ о поэзии и поэтахъ» г.

Н. М. пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Общество находящееся почему-нибудь въ такомъ положеніи (т. е. при ослабленіи сознания и совѣтственности) пристрастна къ красивымъ музыкальнымъ звукамъ), всегда выстаетъ изъ своей среды теоретиковъ, которме якобы подмшутъ разумное основаніе неразумному, стихійному явленію. Такъ есть люди умѣренные и аккуратные приверженцы золотой середины, которме готовы даже поглядѣть по головкѣ напиль постовъ за ихъ разрошерность, за то, что они поютъ сегодня одно, а завтра другое, ибо, дескать, въ этомъ свѣдѣтельство разносторонности и равновѣсія. Въ статьѣ «Критика Некрасова» г. М. Пр. пишетъ: «Гвоздь, выкованный рукою человека, выше и лучше самаго лучшаго цѣпкавъ природѣ»—этогвафоризмъ Бѣлинскаго... заключаетъ въ себѣ ту широкую и вѣрную мысль, что интересы, пріобрѣтенія и сознательныя цѣлы культуры выше и дороже для насъ вѣчной красоты равнудшней природѣ». Этотъ принципъ строгаго утилитаризма и реализма теперь не нуждается въ защитѣ, сколько бы на него, по преданію, ни нападали. Цѣпты природѣ—все тѣ же, прежніе, тогда какъ гвоздь выковывается человекомъ все лучше и лучше, прочтѣе и изящнѣе». И далѣе: «Нѣтъ науки важнѣе социологіи—самой младшей изъ наукъ. Все и есть со стьгахъ сторонъ исцуть ей свою дань и неужели только искусство, этотъ небольшой уголокъ великаго знанія, можетъ претендовать на какую-то самостоятельную роль, существовать и развиваться, не соображаясь съ общимъ планомъ и общими целями? Эти претензіи прежде могли бы казаться возму-

Варламовъ
Христофоръ
Кузьмичевъ
М. III

IV

тительными; теперь онѣ только смѣшны въ виду ихъ очевиднаго бессилія.

Значать ли это, что художнику возбраняется заносить ради полноты картин и сіяющихъ звѣздъ, и журчанье ручейка, и сердитый напѣвъ вѣтра? Значать ли, что г. Чехову, взявшемуся описывать Пантелёва, нельзя было касаться ни тополя, ни холма, ни мельницы, размахивающей крыльями, ни раздолгой стени? Нѣтъ совсѣмъ наоборотъ. Послушаемъ опять-таки г. Н. М. Говоря о поэзии Надсона, уважаемый авторъ замѣчаетъ: «Памятя свою программу и и одолжаемый жадною уходящей жизни, покойный поэтъ умѣлъ говорить и о «женской ласкѣ», и о томъ, что ему «жить такъ хочется», и о красотѣ звѣздъ и цѣптовъ—умѣлъ обо всемъ этомъ говорить такъ, что противорѣчія между этими разговорами и какимъ-нибудь, напримеръ, страннымъ обещаніемъ быть «только сторожевымъ» своей родины—не было. Да и зачѣмъ тутъ противорѣчье? Развѣ нельзя служить истинѣ и справедливости и въ то же время любоваться красотой звѣздъ и цѣптовъ, искать женской ласки? Пусть все живое живетъ и пусть во всю живетъ. Но (прошу обратить особенно вниманіе на это «но» г. Н. М.) элементы жизни должны быть слиты въ одно настоящее, гармоническое цѣлое, а не высказывать по одиначкѣ и по очередно, какъ маршкетки изъ-за ширинъ кукольнаго театра». Да, именно гармоническое цѣлое... Не только можно, но иногда должно описать и ручеекъ, и луну, и темный гѣсь. Но надо умѣть обо всемъ этомъ говорить такъ, какъ умѣлъ Надсонъ воспѣвать и женскія ласки и «жить такъ хочется». У Гаршина есть рассказъ «Ночь»,

гдѣ художественно описана самая ночь и глубоко вѣрно изображена психика молодого человека, рѣшившагося на самоубійство. Но первое соподчинено второму и служить лишь для большаго отѣненія сюжета рассказъ. У того же Гаршина есть другой рассказъ—художникъ. Дѣдовъ пишетъ невнятные пейзажики, а Рабинвичъ воспроизводитъ «Глухаря». Кто изъ нихъ выше, полнѣе, и цѣннѣе для «истины и справедливости»?—вотъ въ чемъ вопросъ, котормый необходимо разрѣшить каждому художнику, вступающему на избранное имъ поприще. Чему служить?—это первый вопросъ; какъ служить?—второй. Беллетристъ, желакшій служить не чистой красотѣ, а «истинѣ и справедливости», никогда не напишетъ одну «равнудшную природу», потому что—гдѣ-же тутъ будетъ «истина и справедливость». Цѣль опредѣляетъ средства,—это вѣдь бесспорно. У кого есть первая, тотъ будетъ брать такія изъ «вторыхъ», котормя вѣрнѣе и скорѣе ведутъ къ ней. Художникъ, рѣшившій вопросъ чему служить, тѣмъ самымъ предрѣшилъ и другой вопросъ—какъ служить.

Если г. Чеховъ помѣстилъ свое произведение въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», то этимъ, повторяемъ, онъ уже намѣтилъ направленіе весьма смилатичное. «Стень»—рядъ прекрасно исполненныхъ картинъ, но къ сожажѣнію, такихъ, въ котормыхъ, по нашему неудачному выраженію, нѣтъ содержательности, хотя несомнѣнно, есть содержаніе. Для всего и во всемъ надо выбирать изъ важнаго и цѣннаго самое важное и драгоценное; а критеріемъ въ этомъ выборѣ будетъ отвѣтъ на вопросъ—чему служить?

Мы очень довольны, что замѣчанія, котормя хотѣлось бы сдѣлать по интересующимъ сегодня насъ предметамъ и пунктамъ, находимъ готовыми въ той же третьей книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника». Тамъ все нужное и важное для насъ есть. Такъ, г. М. Пр. говоритъ: «...какъ несть (не будетъ грѣшно добавитъ: «и какъ художникъ»), такъ и критикъ, если онъ хотѣтъ и можетъ быть не литературнымъ дѣлѣ мастерами только, но и общественными деятелями, обязательно долженъ быть людьми партіи. Оставивъ доказывать, что партійность есть кружковщина, а кружковщина есть кумовство...» «Идеальнымъ содержаніемъ,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—истинной поэзии и истинной критикѣ могутъ служить лишь тѣ ученія и системы, котормя въ данный моментъ являются дѣятелями и двигателями прогресса».

Въ заключеніе оговоримся... Читатель прочтѣе не критическій разборъ «Стени», а только маленькія замѣчанія на нее и, главнымъ образомъ, по поводу ея. Да не покажутся они г. Чехову лишними, неуѣстными, а тѣмъ болѣе оскорбительными!...

Н. Сархановъ.

1888